

УДК 811.161.1

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
РУССКИХ ЧАСТИЦ: УТВЕРЖДЕНИЕ-ОТРИЦАНИЕ И МОДАЛЬНО-
ОЦЕНОЧНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СООБЩАЕМОГО ³****TO THE QUESTION OF THE FUNCTIONAL-CATEGORIAL FEATURES OF RUSSIAN
PARTICLES: ASSERTION-NEGATION AND MODAL-APPRAISAL QUALIFICATIONS
REPORTED****И.А. Нагорный
I.A. Nagorny**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

В статье описываются особенности функционирования русских частиц. В частности, характеризуются функционально-категориальные и прагматико-коммуникативные характеристики частиц применительно к модально-оценочной квалификации события говорящим и соотношения данной квалификации с понятийно-логическими параметрами категории утверждения/отрицания.

The article describes the peculiarities of functioning of Russian particles. In particular, it characterizes functional-categorical and pragmatic-communicative characteristics of particles with respect to the modal evaluation of training events speaking and relationship skills with conceptual-logical parameters category approval/denial.

Ключевые слова: частицы, функционирование, категориальные параметры, квалификация, модальность, оценочность, говорящий, адресат, высказывание.

Key words: particles, functioning, categorical settings, qualification, modality, evaluation, speaker, the addressee, the statement.

Введение

Вопрос о соотношении категории утверждения/отрицания и модальности в квалификативном и оценочном аспектах ее проявления до сих пор в лингвистике не решен однозначно. Исследователями формулируются противоположные точки зрения на указанную проблему. Высказываются веские аргументы и в пользу того, чтобы категорию утверждения/отрицания считать модальной [1; 2; 3], и в пользу того, чтобы не считать ее таковой [4; 5; 6; 7]. Следует с достаточным вниманием отнестись к мотивационно оправданной аргументации сторонников обеих точек зрения. В то же время заметим, что утверждение/отрицание не выступает определяющей категорией, формирующей на понятийном или формальном уровне объективно-модальное значение предложения [8, с. 6-7], поскольку само это противопоставление накладывается в предложении на модальное значение реальности/ирреальности [9:146].

Основная часть

Один из важных аспектов анализа смысловых характеристик русских частиц составляет проблема соотношения категории утверждения/отрицания с модальным значением субъективно-авторской квалификации сообщаемого.

То, что категорию утверждения/отрицания рассматривают как субъективную [10, с. 316], конечно, сближает ее с модальностью. С другой стороны, приписывать ей инвариантное модальное значение не следует, хотя противопоставление предложений по признаку «утвердительность/отрицательность» и составляет оппозицию, которая обнаруживается во всех

³ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

базовых типах предложений. Однако это не служит поводом для признания того, что другие виды модальных (квалификативных, оценочных и пр.) характеристик организуются и являются производными от категории утверждения/отрицания. Последнее есть категориальная оппозиция не модального, а логического плана. Следовательно, ее необходимо рассматривать именно на логико-грамматическом уровне предложения, поскольку утверждение/отрицание прямо связано с суждением. Для выражения категориальных характеристик модальности фактически нет различия в структурах *Мальчик умеет рисовать – Мальчик не умеет рисовать*. Здесь реально-модальное значение предложения аналогично репрезентировано утвердительной и отрицательной формами изъявительного наклонения глагола. Напротив, утвердительно-отрицательная характеристика, представленная в указанных предложениях, является логически определяющей, так как мыслительный акт раскрывается именно посредством утверждения и отрицания факта существования события в действительности [11].

Ни утверждение, ни отрицание говорящим реальности/ирреальности факта действительности не выражают собственно модальной квалификации содержания предложения: то и другое в равной степени констатирует лишь сам факт действительности. Поэтому отнесение логических абстрактно-смысловых отношений к модальному (т.е. объективно-модальному) значению предложения, на наш взгляд, является неправомерным. Как правило, модальность в этом случае понимается как категория всеобъемная, и даже как целый комплекс категорий, подводимых под единое понятие [3]. Но если в логике категория утверждения/отрицания проявляется четко и однозначно по отношению к мыслительным формам – суждению и умозаключению (ср.: истина есть то, что не ложь), то применительно к языковым построениям картина может меняться. Например, некоторым типам русских предложений категория отрицания не свойственна в принципе (односоставные номинативные). Другие предложения, напротив, могут иметь только строго заданную, скажем, отрицательную форму (безлично-отрицательные и некоторые безлично-инфинитивные). Третьи конструктивные построения по форме утвердительны, а по содержанию приближены к отрицательным (ср.: *Рассказками этими **едва ли** можно было прошибить здорового* (А. Солженицын); *Этих радиозвезд в окрестностях нашей солнечной системы довольно много, но, во-первых, они все же далеки для достижения их ракетными снарядами; во-вторых, **вряд ли** обладают населенными планетами из-за слабости своего излучения, неспособности обогреть планеты в достаточной мере* (И. Ефремов); *Среди великих людей мира сего **едва ли** найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью* (М. Горький); *Не зарастёт, думаю. Где уж ей, бедной, зарости. Её давно вытоптали эскадроны туристов...* (С. Довлатов); *Из-за меня... Куда уж теперь деваться? Назад не поедешь* (И. Грекова)).

Между предложениями утвердительного и отрицательного типов различий с точки зрения грамматической реальности их содержаний нет. В объективно-модальном плане они равноценны. Различия заключаются в понятийном содержании концептов смысловой структуры суждения: утверждение выражает наличие связей между явлениями действительности, а отрицание – отсутствие таких связей.

Важным является то, что ряд языковых средств может корректировать утвердительно/отрицательные характеристики предложений, придавая последним статус субъектно-квалификативных. Указанная корректировка может соотносить категориальные предложенческие утвердительно/отрицательные параметры с параметрами модально-оценочными при смещении или фиксации предложения на некой условной шкале, ограниченной полюсами «утверждение» и «отрицание». В этом плане наиболее ярко проявляют себя русские частицы как авторские средства квалификации сообщаемого, репрезентаторы точки зрения говорящего. Рассмотрим это языковое явление более детально.

Являясь принадлежностью субъективно-авторского квалификативно-модального плана, частицы, за исключением формообразующих (*бы, пусть, пускай, да*), не могут изменять объективно-модальное значение предложения и, как результат, – переводить последнее из плана реальности в план ирреальности и наоборот. Частицы вводят в предложение модально-квалификативные оценочные смыслы, сфокусированные на обозначении акцентированной достоверности или недостоверности сообщаемого, локализационно-ограничительных характеристиках события, его эмоциональной окраске. Двухкомпонентный же принцип модальной классификации предложений по параметру «реальность/ирреальность» остается стабильным и с введением в состав высказывания частицы, при этом частично ослабляясь: ***Ведь** я же понимаю, ... теперь уже понимаю, что мои руки это тоже не я*. (Е. Гришковец); *Более того, Грозный после 34 лет занялся литературным трудом и стал **едва ли не** самым плодовитым писателем своего времени* (Р. Скрынников); ***Ну и** Печенегин в уголке сидит, в ладошки хлопает* (А. Слаповский); *Я-то сразу понял, **что за** птица этот Гера* (Ю. Трифонов); *Степан **небось** опомнится до сих пор не может* (Ф. Панферов); *Сижу – **вроде** думаю, а вот так спроси – не знаю, о чем* (В. Шукшин); *Работы можно рассматривать **лишь** как приближение к этой проблеме и не более* (А. Барский);

*А я что могу сделать... Только извиниться. Не буду же объяснять, что я не хотел этого делать (Е. Гришковец); – Так вас ждать или нет? – Не знаю, хотя **вряд ли** (Ю. Семенов).*

С точки зрения объективной модальности вышеприведенные предложения равноценны: в них выражено модальное значение грамматической реальности сообщаемого. В противоположность им другие предложения с частицами обладают ирреальной модальностью. Их содержание соотносится не с планом реальности происходящих событий, а с планами желаемого и возможного (ср.: *Я **вряд ли** хотел. – Я **вряд ли** хотел бы; Я **словно** знал. – Я **словно бы** знал и т.п.); Ты, **чай**, придешь к Лизаньке? (А. Островский); Я **едва ли** стал бы это делать (В. Шишков); О **могущий** властелин судьбы! **Не так ли** ты над самой бездной На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы? (А. Пушкин).*

Логико-языковая категория утверждения/отрицания и субъективная модальность взаимодействуют между собой как на понятийном уровне мышления человека, так и в языковых построениях – предложениях квалификативного типа. Утвердительная и отрицательная формы предложений нейтрально-констатационного типа, в которых не фиксирован элемент со значением авторской квалификативной характеристики события (структурный признак такого предложения – значимое отсутствие субъективно-модального квалификатора), служат для репрезентации нейтрально-констатационной, фактической достоверности, поскольку в смысловом плане данное значение содержит уверенность говорящего в сообщаемом. Это фактическая, безоценочная уверенность субъекта в необходимости утверждения или отрицания какого-то факта действительности: *Я **смотрю** фильм; Человек **идет** по улице; Весной **потеплело**.*

И утверждение, и отрицание могут вытекать из уверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Однако принадлежностью категории модальности как квалификативно-оценочной категории будет, во-первых, именно эта уверенность говорящего, а во-вторых, – языковое представление утвердительного или отрицательного факта как достоверного или как вероятного. В этом и состоит аспект соотношения утверждения/отрицания с субъективной модальностью, в частности с модальностью персуазивной, для которой характерна языковая репрезентация сниженной степени уверенности говорящего в сообщаемом, или с модальностью оценочной, для которой характерна локализация описываемого события в координатах «хорошо/плохо», или с модальностью эмотивной. Модализируя квалификацию события, наделяя ее субъективными характеристиками, говорящий так или иначе, прямо или косвенно соотносит предлагаемую квалификацию с утвердительно-отрицательными (нейтрально-констатационными или оценочными) параметрами рассматриваемой логико-языковой категории.

Это может быть утвердительная или отрицательная констатация факта или события в действительности. Но данная констатация одновременно есть факт модальной квалификации события, локализующий высказывание на одном из полюсов утверждения или отрицания или отстраняющий высказывание в сторону противоположного полюса: – Ты растаскал там цистерны? – Так точно! – ответил Щепотко. – Больше пока ничего не принимайте, – мне ставить некуда (А. Платонов); Ну и ничего хорошего. В меня там влюбился бандит, проходу не давал, пришлось убежать (К. Метелица); До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки! (журн. текст); *Однако ж ведь они и сами хороши: Сидят и про себя, **чай**, думают: **авось ли** Над легковерьем их мы похочем, – после (А. Грибоедов); Просто часто не понимаешь, что хочешь именно туда... (Е. Гришковец); – Умная женщина, – сказал Джума Хак со странной интонацией, глядя ей вслед. – **Едва ли** мы ее убедим (В. Головачев); Высокий уровень развития мыслительной деятельности был выявлен лишь в 10, 8% случаев (Л. Захирина); *Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и **словно** совещались друг с другом (В. Обручев).* Частицы в этом случае используются говорящим для репрезентации как сниженной, так и усиленной степени уверенности субъекта, причем уверенности такой, которая мотивирована объективными условиями, уверенности превентивно подтвержденной и осмысленной. Такая уверенность служит основой не только для актуализации частицей в высказывании категориальных параметров утверждения/отрицания, но и является инструментом актуализации авторской позиции, которая, в свою очередь, позволяет модально окрасить сообщаемое, насытить его субъективными характеристиками и таким образом локализовать высказывание на конкретном отрезке квалификативной шкалы. Данный способ представления информации продуктивно используется в том числе и для разного рода стилистических эффектов. В последнем случае высказывания с частицами даже используются как замена нейтрально-констатационных высказываний: Где уж ей быть доброй, веселой и ласковой?! (С. Довлатов); *Сегодня придут Лидя, Коля, Марина – разделить мое горе – **как будто** такое горе можно разделять! (К. Чуковский); – Куда уж ближе! – захохотал Косопузый. – Факты налицо! (И. Грекова); Вижу: тащится через мосток с чемоданом и постелью, завязанной ремнями, крепкая телом женщина, одетая в военное, с погонами лейтенанта. Ну и тащись, мне-то что? (В. Астафьев).**

Авторская уверенность в значительной степени обусловлена знанием субъекта о квалифицируемом событии со стороны соответствия или несоответствия этого события действительному положению вещей, то есть является фактором, включающим предложение в микрополе истинности. Это составляет другой аспект соприкосновения категории утверждения/отрицания с субъективной модальностью, в частности, с различными модально-оценочными значениями. Разные частицы по-разному проявляют данный аспект в языково-речевом контексте.

Модально-утвердительные частицы выступают в качестве акцентирующих средств, усиливающих категоричность сообщаемого: Да, да, точно, – сказал Перри и отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом (А. Платонов); *Да* *сейчас же ответила дерзко: «Да»* (А. Толстой); *Точно, точно! Так и есть! Нам нужно именно так поступить!* (В. Елисеев).

Эмоционально-экспрессивные частицы могут «притягивать» предложение к полюсу отрицания, насыщая при этом высказываемое разнообразными авторскими чувствами (ирония, сарказм, уныние, раздумье и пр.): Лужин и Дунечка... Куда уж тут Родиным статейкам... (И. Анненский); После котлет подсчитали: пахать и то нельзя на этом комбайне, где уж тут копать картошку (А. Азольский); Сына не позорь, не пачкай под конец биографию, хоть куда уж там... (О. Павлов); Потом были другие, но все это тускло, противно, где уж там до телесной радости (В. Шахиджанян).

Выделительно-ограничительные и определительно-уточняющие частицы, внося в предложение локально-конкретизирующие оттенки значения, фиксируют высказываемое, как правило, на полюсе утверждения и ограничивают событие либо в качественном аспекте (по степени его проявления), либо в аспекте количественном: Как отмечает Алехин, модель «поставщика услуг» в наших условиях становится реальностью лишь в тех случаях, когда присутствует дополнительное давление со стороны бизнеса (Н. Дубова); Я тут ни при чём, просто поговорка такая, это китайский язык – вернее, один из основных его диалектов, по-другому называется «мандаринским!» (Ю. Зубцов); Именно это и было для него любовью... (О. Зуева); Как раз в этот момент из сосняка вылез Огрызков (В. Быков).

Приближение предложений с модально-предположительными частицами (*небось*, *вроде*, *будто* и под.) к смысловым полюсам утверждения и отрицания во многом зависит от самого типа конструкции. В этом случае при утвердительной форме предложения наблюдается явная тенденция приближения к констатационному полюсу утверждения, а при отрицательной – к полюсу отрицания (ср.: *Струсивший солдат как бы дал вам понять, какая опасность вас ждет впереди, – возможно, смерть...* (В. Шукшин) – *Он как бы не видел ее* (К. Паустовский); – *Ты вроде мне говорил об этом* (В. Шишков) – *А вроде и не знал, – задумчиво бормочет дед* (В. Шишков); – *Ты небось слышал, какое у нее несчастье приключилось?* (В. Катаев) – *Небось и не хочется совсем идти в такую даль?* (газет. текст); – *Ты, молодка, чай, уже и расхотела со мной дело иметь?* (В. Слепцов) – *Он, чай, и не рад уже, что пришлось взяться за перевоспитание?* (К. Булычев); – *Да поди забежит еще на днях* (газет. текст) – *А вы не слышали, наверно, что вышло? И соседи поди не слышали?* (журн. текст)).

Несколько особняком здесь стоят предложения с собственно предположительной частицей *авось*, изначально ориентированные на тип конструкции, соотношенный со значением желательности (– *Авось вам-то и не придется воевать, – с грустью заметил мой собеседник, поглаживая пушистую бороду* (журн. текст); *Не знал бы я, зачем встаю с постели, Когда б не мысль: авось и прилетели Сегодня, наконец, зветные листы...* (Н. Некрасов)). Подобное наблюдается в предложениях с вопросительно-предположительными частицами *неужели* и *разве*: *Неужели это были опять вы? – удивилась Эльза Сергеевна* (А. Казанцев); *Из-под холодного покрывала Ужель встает немая тень? Ужели я теперь готова, Чрез двадцать лет заплакать снова, Как в тот весенний грустный день?* (К. Павлова); *Попробуй забудь тебя! Разве так просто забыть? Ведь мне известно, что память, как скульптор незримый, В душе моей станет неясное что-то лепить...* (И. Волобуева). Семантическое поле таких предложений всегда включает аспект авторского переосмысления события. А.Н. Баранов так определяет модальный компонент значений частиц *разве* и *неужели*: «В целом их можно назвать "полимодальными" частицами. С одной стороны, они вносят в предложение сомнение и удивление некоторыми обстоятельствами, а с другой – ориентируют слушающего на наличие в сознании говорящего некоторого «факта» (для *разве*) или «предположения» (для *неужели*)» [12, с. 128]. Заметим, что и названная «фактичность» и «предположительность» сообщаемого – это параметры, позволяющие говорящему локализовать высказываемое в пределах не одной шкалы, а целого комплекса шкал: это и «утверждение/отрицание», и «достоверность/вероятность», и «оценочность/нейтральность». Локализация высказывания в пределах указанных шкал – фактор, позволяющий квалификативным параметрам «акцентуализация», «категоричность», «нейтральность» быть не только

актуализированными говорящим в конкретном высказывании, но и являться инструментом фиксации данного высказывания на одном из отрезков указанных шкал.

Ориентация на какой-либо смысловой полюс в предложениях с частицами конструктивно обусловлена, не является чем-то выходящим за нормативно-коммуникативные рамки. Перспективная сфокусированность предложений с частицами объясняется тем, что говорящий ранее уже занял определенную позицию по данному вопросу и ждет от адресата реакции, адекватной видению ситуации говорящим, причем авторское предположение, сомнение, оценка, кажимость, колебание, категоричность, желательность и т.д., как правило, мотивированы, базируются на прямых или косвенных объективных данных: *Неужели же лишь для того, чтобы увидеть все это, он с самого детства стремился сюда, за океан?* (А. Казанцев); *Сто часов счастья... Разве этого мало?* (В. Тушнова); – *Неужели? А я не знал? И без тебя знаю* (А. Чехов); – *А ведь торт-то я и не ел...* (М. Мусийчук); *Готовить она не умеет, поговорить не о чём, юмора не понимает... ну и так далее* (О. Зуева); *Слонёнок так задумался и так размахивал ушами, что вздрогнул, увидев перед собой капитана-шеф-повара. – Вот так штука! – воскликнул Гусиные Лапки* (А. Дорофеев); *Я вам скажу, что сильный мужчина куда уж скорее доплывёт, чем какой-нибудь доходага, скелет в бинтах* (Ю. Домбровский); *Простото, с чего я начну, я узнал совсем недавно...* (Е. Гришковец); *Только эта логика и сюжетная строгость для нашей области никакой роли как раз не играет* (В. Карпов).

Отдельно следует сказать о предложениях с модальными сомнительно-предположительными частицами *едва ли, вряд ли*: – *Узнал ли он меня. Едва ли* (В. Каверин); *Став одалиской в грезовом гареме, Она едва ли знает свой пароль* (И. Северянин); *Дежурный был едва ли старше меня* (А. Безуглов); *Высота была невелика, вряд ли здесь было намного комфортнее, чем на земле* (К. Булычев). В данных предложениях ярко выражена тенденция смещения к смысловому полюсу отрицания. По форме указанные предложения утвердительны, по семантике же приближаются к отрицательным: *Но отослать его к отцам едва ль приятно будет вам* (А. Пушкин); *Кому-нибудь будет вряд ли интересно узнать о ее мечтах* (А. Рыбаков); – *И я не знаю, а должен. Едва ли он воспользуется «василиском»* (В. Головачев); *Между использованием способности урана к распаду и использованием энергии вещества других элементов лежит техническая пропасть, которую мы вряд ли очень скоро перейдем* (И. Ефремов). Специфичность того местоположения, которое отводится данным предложениям относительно предложений нейтрально констатационного утвердительного и нейтрально констатационного отрицательного типов, той роли, которая принадлежит им в коммуникативном процессе как выразителям авторского сомнения, не позволяет однозначно судить об их неоспоримой принадлежности к одному из вышеназванных типологических классов.

Заметим, что в русском языке утвердительными являются такие предложения, в которых нет формально-конструктивных показателей отрицания. Связь между явлениями действительности в данных предложениях утверждается как реально существующая, причем эти предложения не имеют специальных языковых средств, которые фиксируют утвердительность. Таким образом, предложение может быть квалифицировано как утвердительное тогда, когда в нем не функционируют формальные показатели отрицания, то есть утвердительность определяется по смыслу. Уже в этом базовом определении косвенно указано на двойственную природу предложений с частицами *едва ли, вряд ли*. С одной стороны, в формальном плане эти предложения действительно являются утвердительными (отсутствие частиц *не, ни*, модально-отрицательного слова *нет* как формальных показателей отрицания). В смысловом же, понятийном аспекте приходится признавать небезоговорочность причисления данных предложений к разряду утвердительных.

В качестве факта отрицания признается факт отсутствия объекта (события и т.д.) в действительности. Отрицание на логическом уровне указывает на отсутствие связи между явлениями, о которых идет речь. А.М. Пешковский отмечал, что «сущность отрицания... сводится к тому, что связь между теми или иными двумя предметами при помощи этой категории осознается отрицательно, т.е. осознается, что такая связь, выражаемая какими-то формами слова и словосочетания, реально не существует» [13, с. 336]. Тем не менее, этот аргумент нельзя признать определяющим в смысловой характеристике предложений с частицами *едва ли, вряд ли*, поскольку в данных предложениях нет достоверного указания на факт отсутствия связи между явлениями и предметами действительности. Отсутствие такой связи лишь предполагается говорящим, что может быть в процессе коммуникации как подтверждено, так и опровергнуто: *Ее, казалось бы, оправдывает любовь, но эта любовь к человеку несомненно подлому, бесчестному вряд ли может быть названа высоким чувством, в этой любви есть что-то смешное, отталкивающее* (М. Качурин); – *Так вы в Персию?.. А когда вернетесь? – кричал вслед Максим Максимович... Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести*

следующим образом: **вряд ли!** да и зачем? (М. Лермонтов); **Едва ли** кто более Сологуба, – правда, редкого Сологуба..., – так непосредственно не приближался к Гоголю (И. Анненский).

Сказанное не позволяет однозначно отнести предложения с *едва ли*, *вряд ли* к таким, в которых выражается смысловое утверждение или отрицание как констатирующая характеристика. В этом плане представляется обоснованной точка зрения В.Г. Адмони: «Положительные и отрицательные предложения, в основном, четко отграничены друг от друга. Но внутри каждого из этих типов имеется ряд градаций и оттенков... С утверждением и отрицанием перекрещивается выражение сомнения и возможности в разных видах, ослабляющее как положительный характер положительного утверждения, так и отрицательный характер отрицательного утверждения» [1, с. 165]. Введение *едва ли*, *вряд ли* в состав предложения не нарушает его структуризацию, но актуализирует какой-либо смысловой оттенок, близкий в семантическом плане к утверждению обратного. Это является причиной смещения предложения к смысловому полюсу отрицания: – **Едва ли** мне поверят, какие были любимейшие и постоянные предметы моих размышлений, – так они были несообразны с моим возрастом и положением (И. Бунин); – **Хватит с нас этого спектакля. И скажи, что мы *вряд ли* придем еще раз** (А. Громова); **И автор *вряд ли* избрал именно эту песню: в ней заявлены темы, которые получают развитие в «Грозе»** (И. Овчинина); **Едва ли** подозревала женщина, надрывая горло в требованиях, что и ей предназначено войти в это «все» (В. Распутин). Включая в предложение субъективно-модальный квалификатор, говорящий ориентирует адресата на то, что имеются какие-то мотивационные условия, заставившие говорящего сомневаться в качестве страховки от однозначной нейтрально-констатационной характеристики события. Коммуникативно значимым, оказывается, является здесь то, что говорящий выбирает все-таки утвердительную форму для выражения собственной мысли, которая, тем не менее, допускает некую долю возможности в противоположном развитии ситуации. Фактор категоричности значительно ослаблен введением в структуру предложения модально-сомнительной частицы: **Но насторожило его *едва ли* это** (К. Симонов); – **Вы надолго в Москву, Алексей Петрович?.. До выяснения? Значит, с неделю побудете – раньше *вряд ли* что-нибудь решится** (И. Ефремов); **По его своеобразной позе и спокойному, утомленному лицу *вряд ли* об этом можно было догадаться** (Ю. Тупицын); **Но *едва ли* Кулава ни с того ни с сего к подруге отправится** (В. Головачев). Таким образом, при утвердительной конструктивной организации предложение начинает обладать семантикой, явно приближающейся к отрицательной. Рассматриваемые конструкции – яркий пример того, что диктум и модус в предложении могут быть взаимообусловленными на структурном уровне.

Отдельно скажем о предложениях со структурными комплексами *едва ли + не*, *вряд ли + не*, *чуть ли + не*. Если в предложениях с другими частицами *не* выполняет свою прямую функцию формального средства выражения отрицания (**Ничего *вроде* и не помнил. Память будто отшибло** (А. Толстой); – **С этим вопросом *как будто* не ко мне** (газет. текст); **Они, *чай*, и не знают, как им дальше жить** (А. Иванов)), то в конструкциях с частицами *едва ли*, *вряд ли* функция компонента *не* кардинально меняется. В этом случае *не* вносит в предложение уже значение, близкое к утверждению: **Ты нас гуманно мыслить научил, *Едва ль не* первый вспомнил о народе, *Едва ль не* первый ты заговорил** О равенстве, о братстве, о свободе (Н. Некрасов); **Ему то и досаждало, что лысый *едва ли не* угадал** (А. Солженицын); **Но Гирин заколебался, хотя этот вопрос уже давно, *чуть ли не* с самого начала беседы висел у него на языке** (Ю. Тупицын); **Раньше не приходилось замечать, а тут заметил, *едва ли не* впервые в жизни почувствовал, какое это событие – восход светила после ночи, после океана тьмы** (О. Гончар).

Предложения с частицами *едва ли*, *вряд ли* и предложения со структурными комплексами *едва ли + не*, *вряд ли + не*, *чуть ли + не* фактически не являются смысловыми соотносительными парами. Семантически они не тождественны друг другу (ср.: **Я *вряд ли* пойду в школу – Я *вряд ли не* пойду в школу; Он сделал это *едва ли* нарочно – Он сделал это *едва ли не* нарочно**). Помимо того, что значение утверждения/отрицания заменяется на более близкое противоположному, в предложениях структурные комплексы *едва ли + не*, *вряд ли + не*, *чуть ли + не* выступают в нерасчлененном виде, образуя новое в семантическом плане единство с оригинальным значением избыточности: **Однако он *едва ли не* двинется на восток** (В. Астафьев); **Теперь обнаружилась шуба, великая, почти необыкновенная шуба, *едва ли не* самое ценное в туалете Остапа** (И. Ильф, Е. Петров); **Бернардито от неожиданности споткнулся и *едва ли не* выронил шляпу** (Р. Штильмарк); **А я, прожив *чуть ли не* вдвое больше вашего, видел лишь земные океаны** (Ю. Тупицын); – **Создателю учения о веществе, отрицателю религий прошлого, – улыбнулся старик, – придется выполнить *чуть ли не* роль недостойного жреца** (А. Казанцев). И все-таки, как нам думается, при явном превалировании уверенности говорящего в сообщаемом в семантике рассматриваемых комплексов зафиксирована и малая доля предположительности. Если в смысловом плане рассматриваемые предложения фиксируются максимально близко к полюсу утверждения, то в модальном аспекте они никогда не сливаются с нейтрально-констатационными

утвердительно-отрицательными предложениями, оставаясь на промежуточном отрезке шкалы степеней достоверности и являясь, таким образом, самостоятельной модальной разновидностью предложений со значением избыточного предположения: *Едва ли не самый лучший дом построил себе Яков Савельич* (Г. Гарин); *Храм, который хочу создать, исполинского размера: для него нужна мне **едва ли не** половина кремлевской высоты, сотни тысяч рук, груды золота* (И. Лажечников); *Лодка вошла в заводь и **едва ли не** застряла среди листьев водяных растений* (Р. Штильмарк).

Важным критерием дифференциации степеней достоверности на шкале «утверждение/отрицание» представляется позиция частиц в предложении. Большинство русских частиц относятся к свободным и могут занимать различные позиции в предложении, причем нередко именно позиция частиц корректирует месторасположение предложения на логико-смысловой оси «утверждение/отрицание», а также является фактором актуализации параметра категоричности сообщаемого, также оказывающим влияние на локализацию предложения на указанной шкале

Наиболее четкая противопоставленность наблюдается при воздействии частиц на предикат как элемент, формирующий пропозицию предложения, по сравнению с воздействием на компонент уточняющего характера – актант или сирконстант. Конструктивная позиция начала предложения либо препозиция относительно предиката сообщения является условием усиленного воздействия частицы на общее модально-оценочное поле предложения: *Едва ли хочется рисковать без гарантии* (В. Авдеев); *Какое... **Будто** не знаете? Вот какое* (А. Островский); *Да **вроде** и не слышали раньше про это* (В. Шукшин); *Но хлеба как раз и не хватало* (В. Быков); – *Вот и радуйтесь, что вы с такой ситуацией не сталкивались* (Е. Павлова); *Где уж рассмотреть кошек, крадущихся в придорожных кустах?* (А. Зайцев).

Имеются частицы, для которых контактная препозиция относительно взаимодействующего компонента является грамматической нормой. Это, в первую очередь, модальные избыточно-предположительные частицы. Значение избыточности, вносимое ими, по своим качествам предполагает то, что оно должно быть локализовано на компоненте, семантическое поле которого подвергается трансформации: *Вот я не больше был Андрея Аристотелева, а **едва ль не все Тверское княжество** обошел* (И. Лажечников); *Едва ли не **каждый из них** в свое время пытался следовать здравому смыслу* (газет. текст).

Фиксированная контактная препозиция характерна также для ряда других частиц: И ещё раз осветив хату фонариком, покрутил головой: – Ну и берлогу ты себе выбрал! – и уже с улицы крикнул мне: – Домой подавайся! (В. Астафьев); – Что за люди злешние русские? – спросил Померанцев (В. Крейд); Они даже свою группу называли «Аметистовые уклоны». Где уж мне! (В. Катаев); – Куда уж вам, – сказал комиссар дивизии. – Тут такую кашу заварили вокруг этого окружённого дома (В. Гроссман); Именно их современные возможности в первую очередь вселяют надежду на реальность и деактивизации памяти, основанной на оперативном обмене данными (А. Барский); Энергия остова сопоставима с энергией наружной части, а при не слишком малых значениях именно она вносит основной вклад в энергию вихря (М. Зеликман); – Надо посмотреть сначала, что за человек на вас подписался, прочитать все его записи (журн. текст); Из Москвы специально приезжали опыт перенимать. Вот так белоруска! Ну и молодец! (А. Браво).

Контактная препозиция – это конструктивный инструмент усиления воздействия частицы на диктум предложения и, соответственно, инструмент усиления репрезентативности авторского квалификационного мнения в коммуникативном диалоге. Усиленное же воздействие частицы на общий смысловой слой предложения влечет за собой смещение предложения на квалификационной шкале в сторону зоны одной из модальных сфер (достоверности/вероятности, оценочности, эмотивности) и локализацию его между смысловыми полюсами утверждения и отрицания.

Постпозиция частицы относительно предиката (исключая позицию абсолютного конца предложения) является условием её прогрессивного влияния на компонент конкретизирующего характера. При этом предложение продолжает оставаться на смысловом полюсе утверждения или отрицания, а субъективно-авторская квалификация при помощи частицы локализуется. Смещение предложения к полюсу отрицания, таким образом, нивелируется: *Лебедеву **показалось, что машина отпрянула как бы в измении*** (Е. Грушко); *Человек **направлялся как бы к нему*** (В. Михайлов); *Большая **зыбкость прилагательного, а отсюда и его большая символичность, так как прилагательное не навязывает нашему уму сковывающей существенности, делает прилагательное **едва ли не самым любимым словом** Бальмонта*** (И. Анненский).

Сказанное, на наш взгляд, позволяет утверждать, что логическая оппозиция «утверждение/отрицание» значительно расширяется на языковом уровне. Игнорировать данный факт нет никаких оснований. Указанная оппозиция даже в самом общем виде должна быть представлена в качестве трихотомической. Однако и это лишь базовый уровень категоризации языковой

действительности, так как количество переходных случаев на самом деле гораздо больше, а по смысловым характеристикам эти случаи гораздо разнообразнее той промежуточной ступени, которая была предложена в свое время О. Есперсеном [14]. Отношения между членами этой ступени усложняются тем, что последние находятся в оппозиции не только к смысловым категориям «утверждение» и «отрицание» как языковому воплощению модального значения нейтральной достоверности, но и внутри себя, выступая, таким образом, в роли самостоятельных компонентов смысловой и формальной парадигм предложения. Так, модальное значение проблематической достоверности в русском языке противопоставлено значению категорической достоверности как авторское предположение акцентированной авторской уверенности в сообщаемом. Проблематическая и категорическая достоверности также оппозициональны по своей сути и противопоставлены модальному значению нейтрально-констатационной достоверности. Последнее же реально-модальное значение тоже составляет оппозицию, представленную констатационно утвердительными и отрицательными конструкциями. Перечисление намеченных оппозиций можно продолжить, включив сюда целый комплекс модальных значений и оттенков: «сомнение/предположение», «эвиденциальность/предположение», «избыточность/предположение», «оценочность/нейтральность», «экспрессивность/оценочность», «категоричность/нейтральность» и т.д. В этой сложной и многоуровневой иерархии предложения с частицами занимают отведенное им место на модально-квалификативной шкале оценочной характеристики события. Участвуя в противопоставлении предложений по модально-оценочным свойствам, являясь одним из лексико-грамматических средств выражения субъективно-авторской квалификации события, русские частицы приобретают важную роль как смысловые концепты, важные и прагматически обусловленные корректоры семантического поля предложения и фиксаторы оценочной позиции говорящего.

Выводы

Подведем итог. Функциональный анализ предложений с частицами показывает, что, с одной стороны, категория утверждения/отрицания тесно соприкасается с модальностью, особенно на уровне средств репрезентации модальной характеристики сообщаемого. В этом аспекте трудно переоценить роль русских частиц как корректоров общего смыслового поля предложения, средств сближения модуса и диктума на уровне объединения объективного и субъективного слоев предложенческого смысла. С другой стороны, сами виды модальных характеристик, как это было отмечено, не организуются вокруг какой-то одной категории (в частности – категории утверждения/отрицания) даже в тех предложениях, где она четко проявлена на конструктивно-модельном уровне. В типологическом аспекте утвердительные и отрицательные предложения – это лишь формальная база для выражения, например, субъективно-модального значения нейтральной достоверности, потому что в семантическом плане данное модальное значение содержит уверенность как смысловой компонент фактической констатации события в действительности. Напротив, предложения с частицами как при утвердительном, так и при отрицательном способе их конструирования не соотносимы с модальным значением нейтрально-констатационной достоверности. Они рефлектируют скорректированную (по сравнению с исходной) степень уверенности говорящего в сообщаемом и, как следствие этого, занимают фиксированное положение между полюсами, представляющими значение нейтральной достоверности. В совокупности с другими лексико-грамматическими показателями модально-оценочной квалификации события они служат для развития смысловых векторов, образующих самостоятельную сферу, фиксируемую как в смысловом поле модальности, так и в общем смысловом поле конкретного высказывания, реализуемого в коммуникативном процессе. Заявленные проблемы, по нашему мнению, являются перспективными для дальнейшего рассмотрения, так как представляют собой развитие идей антропоцентризма, человеческого фактора в языке.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1955. – 392 с.
2. Распопов И.П. К вопросу о модальности предложения / И.П. Распопов // Ученые записки Благовещенского педагогического института. – Т.8. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. пед. ин-та, 1957. – С. 177-197.
3. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности / П. Адамец // *Ceskoslovenska rusistika*. – 1968. – № 2. – С. 88-94.
4. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 198 с.

5. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова // Научные доклады высшей школы. Сер. «Филологические науки». – 1962. – № 4. – С. 65-79.
6. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 212 с.
7. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) / С.С. Ваулина – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 141 с.
8. Лекант П.А. Предложение и высказывание / П.А. Лекант //Строение предложения и содержание высказывания. – М.: Изд-во МОПИ, 1986. – С. 3-8.
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
11. Зегет В. Элементарная логика / В. Зегет. – М.: Высшая школа, 1985. – 256 с.
12. Баранов А.Н. «Предположение» vs. «факт»: *неужели* vs. *разве* / А.Н. Баранов // *Zeitschrift für Slavistik*. – 1986. – № 1. – С. 119-131.
13. Пепковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пепковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
14. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.